

С. Ю. Бирюков, Д. Г. Скорилов, А. А. Закатов

ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ В РАБОТЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В статье рассмотрены вопросы влияния культуры устной и письменной речи следователя на производство предварительного расследования по уголовным делам, установление психологического контакта с участниками уголовного судопроизводства: потерпевшим, свидетелями, подозреваемым, обвиняемым, понятыми и др. Культура устной и письменной речи следователя является одним из важнейших условий качественного проведения следственных действий. Она основывается на использовании точных, понятных, соответствующих литературной норме и речевой ситуации языковых средств. Для установления контакта с участниками следственных действий, оказания психологического воздействия на них, побуждения лиц к определенному поведению требуются выразительность, эмоциональность речи. Высказывания, в которых использованы различные выразительные средства языка, оказывают большее убеждающее воздействие, чем стилистически нейтральные сообщения. Предлагаются рекомендации, позволяющие наиболее эффективно произвести следственные действия.

Ключевые слова: допрос, обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, свидетель, следственные действия, следователь, культура речи.

S. Yu. Biryukov, D. G. Skorikov, A. A. Zakatov

VALUE OF CULTURE OF SPEECH IN THE WORK OF THE FOLLOWER

The article discusses the influence of the culture of oral and written speech of the investigator on the preliminary investigation of criminal cases, the establishment of psychological contact with participants in criminal proceedings: victims, witnesses, suspects, accused, witnesses, etc. The culture of the oral and written speech of the investigator is one of the most important conditions for its qualitative conduct. It is based on the use of precise, understandable, appropriate literary norms and speech situation of language means. In order to establish contact with participants in investigative actions, to exert psychological influence on them, to induce persons to a certain behavior, expressiveness and emotionality of speech are required. Statements using various expressive means of language have a more persuasive impact than stylistically neutral messages. Recommendations are offered that make it possible to conduct investigative actions most effectively.

Key words: interrogation, accused, suspect, victim, witness, investigative actions, investigator, speech culture.

Речь является сложным и тонким инструментом общения. Даже из опыта повседневной жизни известно, что слова могут успокоить, ободрить, погасить конфликт, вызвать различные эмоции. Одни и те же слова могут вызвать отчуждение и доверие, с помощью одних и тех же слов можно сказать правду и обмануть.

Следователю постоянно приходится общаться с людьми, составлять протоколы и другие документы. Культура его устной и письменной речи — одно из важнейших условий повышения общей культуры следственных действий. По определению известного лингвиста С. И. Ожегова, «высокая культура речи — это умение

правильно, точно и выразительно передавать свои мысли средствами языка. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (т. е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т. е. самое подходящее для данного случая) и, следовательно, стилистически оправданное» [1, с. 287]. Здесь необходимо отметить, что следователь должен уметь находить языковые средства не только для передачи своих мыслей, но и для фиксации фактических данных, полученных при производстве следственных действий. При этом культура речи состоит в использовании точных,

ясных, понятных, соответствующих литературной норме и речевой ситуации языковых средств [2, с. 12].

Известно, что отношение свидетеля, потерпевшего, обвиняемого и других лиц к следователю формируется под влиянием различных факторов, зависит от его действий, манер, внешности и т. д. Однако часто эти факторы отступают на задний план перед оценкой того, как говорит следователь. Неправильная постановка ударения в словах, не соответствующее литературным нормам употребление слов, неверное синтаксическое построение высказываний и другие языковые погрешности могут вызвать отрицательное отношение к следователю, затруднить установление контакта с подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями, потерпевшими, сделать тщетными попытки убедить их в чем-либо, оказать воспитательное воздействие.

Речевые ошибки, допускаемые следователем, могут создать у граждан неправильное представление о культурном уровне как конкретного должностного лица, так и должностных лиц органов внутренних дел в целом.

«Культура процессуального документа выражается в его общей и юридической грамотности. Элементарное требование к любому юристу — безупречное владение языком судопроизводства, умение грамотно излагать факты, аргументы, решения, если последние входят в его компетенцию. Юрист, который в своих письменных документах демонстрирует неумение грамотно формулировать то или иное положение, подрывает свою репутацию. Представим себе отношение обвиняемого, прочитавшего протокол своего допроса, составленный с рядом орфографических ошибок, к тому, кто его допросил. Грамматические ошибки, допущенные следователем или судьей, остаются в уголовном деле, „закрепляются“ в официальном документе. Они становятся достоянием участников процесса, судей вышестоящих судов» [3, с. 73].

Сегодня, в век «всеобщей компьютеризации», проблема «бланочно-грамотного» оформления процессуальных документов не стоит так остро, как во времена, когда основным инструментом в делопроизводстве была печатная машинка. Оснащение оргтехникой значительно повысило уровень «документопроизводства», но не устранило вопроса содержательного наполнения процессуальных документов. Если в настоящее время участники досудебного судопроизводства

вправе составлять их и при этом не обращать особого внимания на структуру, а уповать на имеющиеся в учреждении формы и образцы бланков протоколов, постановлений, ходатайств и т. д., то проблема грамотного, стилистически правильного изложения материала имеет особую актуальность [4, с. 37].

Конечно, необходимо учитывать и речевую ситуацию следственного действия. Ее составляют многие факторы: предмет, цель, место, время общения, возраст, образовательный уровень участников следственного действия, их отношение к следователю, степень готовности вести беседу, речевой, жизненный и профессиональный опыт следователя и лиц, с которыми он общается. Очевидно, что нельзя говорить одним и тем же языком с пенсионером-бухгалтером и студентом гуманитарного вуза, с больным и здоровым, с подростком и взрослым и т. д. Соответствующую речевую тактику желательно определить уже в процессе подготовки к следственному действию, а затем корректировать ее в условиях реального общения. Так, предупредить свидетеля об уголовной ответственности за отказ и дачу заведомо ложных показаний можно в различной форме [5, с. 80]. Лицу, легкомысленно относящемуся к допросу, можно сделать строгое предупреждение, прочитать статью Уголовного кодекса Российской Федерации, грозящую наказанием за дачу ложных показаний; искренне желающему правдиво рассказать все, известное ему, можно сделать предупреждение в менее резкой форме, например: «Я не сомневаюсь, что Вы расскажете правду, но закон требует предупреждать каждого свидетеля об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний». Другой пример. Подозреваемый, обвиняемый, даже правильно оценивая свои действия, все же часто не хочет сам «квалифицировать» их как кражу, разбой, хищение и т. д. [6, с. 133], поэтому в ходе следственных действий нежелательно злоупотреблять подобными словами, иначе можно потерять контакт с допрашиваемым, тем более что важно детально выяснить, какие действия совершены, а квалифицировать их можно и позднее без участия этого лица. При вынесении постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого приходится употреблять юридические термины, излагать обстоятельства дела юридическим языком.

Ознакомление обвиняемого с постановлением иногда создает напряженную обстановку. Чтобы этого избежать, нужна словесная разрядка, например, содержание постановления можно изложить другими словами, разъяснить

необходимость употребления в официальных бумагах однозначных и общепринятых слов и фраз.

Соблюдение норм литературного языка не исключает использования следователем иных языковых средств в целях установления речевого контакта с допрашиваемым или другим участником следственного действия. К тому же в живой речи границы между различными ее стилями подвижны и не в каждом случае строго определены. В связи с этим с учетом речевой культуры свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого допустимо использование обиходно-разговорных, диалектных слов и выражений, а исходя из тактических соображений, и некоторых жаргонных слов.

Одна из причин малой эффективности тактических приемов заключается в невыразительности, «казенности» речи следователя. Между тем для установления контакта с участниками следственных действий, оказания психологического воздействия на них, побуждения их к определенному поведению требуются выразительность, эмоциональность речи. Высказывания, в которых использованы различные выразительные средства языка, оказывают большее убеждающее воздействие, чем стилистически нейтральные сообщения. Так, для достижения выразительности речи в процессе вопроса или общения в иной процессуальной форме могут приводиться соответствующие речевому контексту пословицы, поговорки, крылатые слова. Их житейская мудрость помогает убедить участников следственных действий в верности суждений следователя, вызвать у заинтересованных лиц правильную нравственную оценку своего поведения и облегчить достижение других целей общения. «Говоря правду, ничего не приходится запоминать», «Что написано пером — не вырубишь топором» и подобные им поговорки могут передать мысль более убедительно, чем эти же суждения, сделанные в иной форме. Целесообразно по возможности употреблять образные сравнения, метафоры, аллегории и другие выразительные средства.

Специфика требований, предъявляемых к составлению протоколов, заключается в более четком и строгом, по сравнению с устной речью, соблюдении языковых норм. Это обусловлено тем, что протокол является совместной речевой деятельностью следователя и других участников следственных действий, которые вряд ли останутся равнодушными к неграмотности в документе.

Одну и ту же мысль можно выразить в письменной речи различными стилистическими средствами. Под стилем обычно понимают совокупность языковых средств, придающих речи определенную окрасенность, закрепляющих слова конкретной сферой употребления. Различают нейтральную (межстилевую) лексику, лексику устной речи (разговорную), письменной речи (научную, официальную и т. д.). В свою очередь, каждый из названных пластов лексики имеет свои особенности.

При составлении протоколов, в которых фиксируются результаты исследования материальной обстановки, употребляется в основном нейтральная лексика письменной речи. Стилистически нейтральные слова, составляющие большую часть словарного запаса, свободны от эмоциональной окраски, выражающей субъективное отношение лица к тому, что он описывает. Тем самым нейтральная лексика более объективно отражает полученную в ходе следственных действий информацию.

Требование точности при составлении протоколов выражается в однозначности используемых слов и словосочетаний. Чем более многозначно речевое оформление, тем менее конкретна фиксируемая информация, а значит, тем больше будет отличаться восприятие различных лиц, знакомящихся с протоколом. «Язык законов, — писал известный советский лингвист академик Л. В. Щерба, — требует прежде всего точности и невозможности каких-либо кривотолков» [7, с. 119].

Многозначность слов и выражений не способствует адекватному отражению фактических данных, может вызвать разночтение, двусмысленное толкование текста. Так, по делам о нарушении правил безопасности движения в протоколах часто записывают, что потерпевший «следовал» к остановке общественного транспорта. Между тем на судебном следствии могут возникнуть и возникают вопросы: шел ли потерпевший не спеша, ускоренным шагом или бежал. Разумеется, слово «следовал» не может внести ясности при разрешении этих вопросов. Если отдельные слова, предложения допускают различные толкования, они должны конкретизироваться. При этом полезно обращаться к толковым словарям. Помощь следователю в использовании слов, правильном наименовании предметов могут оказать и справочники. При уточнении значения слов и фраз, содержащихся в показаниях допрашиваемых, помогают приемы, основанные на сравнении предметов, их

признаков. Допрашиваемому можно предложить сравнить признаки объектов, событий, являющихся предметом показаний, и хорошо известных ему объектов (например, названный цвет с цветом предмета, известного следователю и допрашиваемому); признаки объекта, о котором даются показания, и демонстрируемых предметов; подобрать синонимы; пояснить сказанное на фотоснимке, графическом изображении и т. п. Очевидно, что однозначность протокольного текста обеспечивается также применением в ходе следственных действий фото- и видеосъемки, изготовлением графических изображений [8, с. 43].

Для того чтобы текст протокола, в котором описывается материальная обстановка, был однозначным, следует избегать различных наименований одного и того же предмета. Трудно, например, понять, что именно осматривал следователь, если в протоколе это называется по-разному: монтировкой, ломиком, металлическим предметом.

Кроме того, при заполнении протоколов нужно стремиться к полноте отображения хода, содержания и результатов конкретного следственного действия. Некачественно составленные протоколы могут служить причиной негативного отношения к должностным лицам органов предварительного расследования. Приведем несколько примеров: «при осмотре места происшествия обнаружена а/машина ГАЗ-2121, которая подлежит изъятию и приобщению к делу как вещественное доказательство»; «деньги в буфете хранились вместе с огурцами. Кроме того, в холодильнике обнаружена баранья голова, принадлежащая гр. Маминой»; «прибыв на место происшествия, произвел осмотр места преступления, где была совершена кража из магазина с участием понятых»; «трактор стоит на дороге под углом 45 ° передом, к Астрахани... задней частью»; «на лезвии топора имеются пятна бурого цвета в виде крови»; «на железнодорожном полотне лежит труп в вертикальном положении»; «труп на месте происшествия нераздевался»; «при осмотре обнаружены различные предметы мужского туалета: ботинок с левой ноги, расческа, пустая бутылка из-под водки...»; «рядом с кроватью, против входа, у стены, стоит буфет, в котором стоит разнообразная посуда... Из этой комнаты справа имеется вход в другую комнату, которая имеет три окна»; «данный задержанный мною гражданин Быков Степан Николаевич, кроме

того еще при его задержании мною бросился на меня с ножом столового типа».

В показаниях могут содержаться оценочные суждения, например, характеристика определенного лица как человека, страдающего алкогольной или наркотической зависимостью, добросовестного работника, хорошего или плохого семьянина. Во избежание различного понимания оценочных суждений допрашиваемым, следователем и другими участвующими в деле лицами в протоколе обязательно указываются основания таких суждений.

Большую помощь при наименовании и описании предметов, их признаков может оказать участвующий в следственном действии специалист [9, с. 112].

Понятно, что стремление к точности, однозначности языка не самоцель. В затруднительных случаях лучше подробно зафиксировать известные признаки предмета и воздержаться от его наименования или названия отдельных свойств. Так, если точно неизвестен тип узора папиллярных линий пальцев рук, отобразившихся в следе, обнаруженном на месте происшествия, не нужно называть его, лучше более подробно описать другие, индивидуализирующие след пальца признаки.

Важно особо осторожно, юридически точно формулировать вопросы допрашиваемым, так как полученный ответ может быть правильно оценен только в совокупности с вопросом.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации содержится требование по возможности дословно записывать показания, однако слепое следование данному правилу вряд ли будет способствовать достижению целей уголовного судопроизводства. Рассмотрим некоторые примеры: «в процессе дня я уезжал в центр города по хозяйственным делам»; «при обыске в доме сторожа Голованова, по поводу хищения двух овец, в укромном месте были найдены кишки, принадлежащие Голованову»; «...и вот тогда-то он бросился на меня, словно был вовсе не старший прораб, а самый настоящий клеопатр»; «когда я вошел в другую комнату, то на постели обнаружил почти голых мужчину и женщину, ведущих антиобщественный образ жизни»; «Иванов в присутствии граждан выражался нецензурной бранью, употребляя при этом половые органы»; «машина остановилась, поглядела и поехала дальше»; «с целью отображения молотка к Бубнову подошел Чеботарев»; «нанес удар в область щеки»; «проходя мимо нас, мы увидели, что мужчина находился в нетрезвом состоянии»; «находясь в

лагере, мое дело пересмотрено, и я был направлен на работу на тракторный завод»; «видел его в пьяном виде, расплевывая семечки по школе, на замечания дерзил, важно шагал по школе»; «в конце августа мы с Василием взяли двух курей на пятидесятой школе, в домике возле балки, курей принесли домой и съели».

Необходимо стремиться к дословной фиксации лишь существенных для дела сведений. Такой порядок записи показаний отвечает фактическим возможностям следователя. Попытки же записать показания дословно, в полном объеме даже с учетом оговорки закона, не реальны, так как протокол, в котором зафиксированы показания, является результатом взаимодействия следователя и лица, давшего показания.

Письменные показания отличаются от устных своей развернутостью, аргументированностью, в устной же речи информацию несут также мимика, жесты, интонация, окружающая обстановка.

Часто в показаниях лиц содержится обиходно-разговорная и просторечная лексика, эмоционально окрашенные слова. Было бы ошибочным при составлении протоколов приглаживать стиль. Умеренное протоколирование выражений, несущих эмоциональную нагрузку, разговорных слов образно и убедительно выражает мысли лица, дающего показания, его отношение к людям и предметам, о которых он рассказывает. Для фиксации существенных для дела данных можно использовать имеющиеся в речи допрашиваемого диалектизмы, профессионализмы, жаргонные слова.

Диалектные и жаргонные слова требуют пояснений в протоколе. Как правило, жаргонная лексика, свойственная преступникам, используется в случаях, когда в форме прямой речи необходимо передать содержание отдельных высказываний допрашиваемого, имевших место вне следственных действий, содержание его разговора с соучастниками, т. е. тогда, когда предметом вопроса являются данные, которые при различных обстоятельствах выражались в речи.

Выполнение требования закона о дословной записи показаний избавляет от искажения получаемой информации, способствует установлению доверия к следователю. Лица, давшие показания, увидев в протоколе свойственные их речи слова и фразы, нередко испытывают чувство удовлетворения объективностью следователя.

Известно, что лица, давшие на предварительном следствии правдивые показания, иногда в суде дают заведомо ложные. При этом они ссылаются на то,

что: следователь неправильно записал показания, не ознакомил с отдельными фрагментами показаний; допрошенный не полностью невнимательно прочитал протокол; не понял текста протокола, не придавал значения отдельным записям, считая их несущественными, и т. д. Недобросовестные лица могут также давать ложные объяснения своего удостоверения правильности протокола, например, ссылаются на плохое самочувствие во время проведения следственного действия, угрозы и другие незаконные приемы со стороны следователя, свое безразличное отношение к содержанию протокола из-за частых вызовов на допрос, излишнюю доверчивость и т. п. По возможности дословная запись в протоколе получаемых сообщений затрудняет отказ от данных ранее правдивых показаний, ограничивает диапазон ложных объяснений.

Понятность речи имеет значение не только для правильного понимания высказываний следователя участниками следственных действий, но и для уяснения им самим высказанной мысли. Необходимо также отметить, что одним из условий понятности речи следователя является краткость фразы. Это особенно важно при допросе несовершеннолетних, поскольку они могут не разобраться в причастных и деепричастных оборотах, не понять, что сказал и записал следователь.

1. Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М, 1974.

2. Бирюков С. Ю. Правовая культура следователя // Теоретические и практические аспекты развития юридической науки: сб. статей междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 2017. С. 12—15.

3. Кобликов А. С. Юридическая этика: учебник. М., 2015.

4. Никонов А. В., Горкина Е. В. Процессуальные документы: язык, стиль, типичные ошибки: учеб. пособие. Волгоград, 2017.

5. Коловоротный А. А., Скориков Д. Г. Особенности тактики допроса подозреваемых, обвиняемых по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 210 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 2 (41). С. 79—83.

6. Скориков Д. Г. Особенности возбуждения уголовного дела о преступлениях экстремистской направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4 (23). С. 132—138.

7. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

8. Скориков Д. Г. Особенности назначения судебных экспертиз при расследовании преступлений экстремистской направленности // Судебная экспертиза. 2012. № 1 (33). С. 39—46.

9. Скориков Д. Г., Пупцева А. В. Процессуальные формы взаимодействия следователя с оперативными службами при расследовании преступлений экстремистской направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 3 (38). С. 109—113.

© Бирюков С. Ю., Скориков Д. Г.,
Закатов А. А., 2018

1. Ozhegov S. I. Lexicology. Lexicography. A culture of speech. Moscow, 1974.

2. Biryukov S. Yu. Legal culture of the investigator // Theoretical and practical aspects of the development of legal science: sat. articles of the international scientific-practical conference Saratov, 2017. P. 12—15.

3. Koblikov A. S. Legal Ethics: textbook. Moscow, 2015.

4. Nikonov A. V., Gorkina E. V. Procedural documents: language, style, typical mistakes: study aid. Volgograd, 2017.

5. Kolovorotny A. A., Skorikov D. G. Features of the tactics of interrogation of suspects accused in criminal cases of crimes under Art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation // Vestnik Volgogradskoy Akademii MVD Rossii. 2017. No 2 (41). P. 79—83.

6. Skorikov D. G. Features of the criminal case on crimes of extremist orientation // Vestnik Volgogradskoy Akademii MVD Rossii. 2012. No 4 (23). P. 132—138.

7. Shcherba L. V. Selected works on the Russian language. Moscow, 1957.

8. Skorikov D. G. Specifics of the appointment of forensic examinations in the investigation of crimes of extremist orientation // Forensic examination. 2012. No 1 (33). P. 39—46.

9. Skorikov D. G., Puptseva A. V. Procedural forms of interaction of the investigator with operational services in the investigation of extremist crimes // Vestnik Volgogradskoy Akademii MVD Rossii. 2016. No 3 (38). P. 109—113.

© Biryukov S. Yu., Skorikov D. G.,
Zakatov A. A., 2018